

Армия сражалась и отступала одновременно. Путь был ухабистым и тяжелым, припасы истощились, из-за чего в войсках ропот не умолкал ни на минуту.

Сюй Лу сидел в уголке и рисовал круги палочкой на земле:

— Уважаемый учитель, неужели мы так и будем всё время бежать да бежать?

Го Цзя попивал рисовый отвар. Строго говоря, называть это отваром было лестью: после долгих поисков выяснилось, что с рисом он имеет мало общего — в котле оставалась лишь пустая жижа, которую с тем же успехом можно было назвать просто водой.

— Сегодня утром господин Богуй созвал командиров, полагаю, какое-то решение уже принято.

— И куда мы направимся? — Сюй Лу моргнул.

Взгляд Го Цзя упал на чернильное пятно, расплзшееся по бумаге, и он медленно произнес:

— В Ицзин.

Однако в мыслях он с горькой обреченностью добавил:

Ицзин сгорит дотла.

Среди ночи Го Цзя проснулся от холода. Его знобило, мучил голод, а в желудке снова завязался такой узел, что казалось, будто там бушуют волны.

Сюй Лу же храпел вовсю: звуки его богатырского храпа то затихали, то взмывали вверх, а сам он раскинулся на постели звездой и спал самым сладким сном.

Го Цзя потуже запахнул меховую шубу и вышел из шатра. Ему в лицо ударил ледяной ветер, заставив невольно съежиться.

Побродив между вспомогательными палатками, он подумал, что Чжао Юнь наверняка разместился в главном лагере — в конце концов, в такое время больше всего заботились о защите жизни самого Гунсунь Цзяня.

Патрульных дозоров стало заметно больше, чем раньше, и то тут, то там появлялись отряды, чтобы проверить подозрительных лиц.

Миновала вторая стража.

У полевой кухни Го Цзя раздобыл котелок с кипятком.

— Господин, этот котелок обжигает руки, давайте я донесу его до вашего шатра, — предложил рослый солдат из походной кухни.

— Что ж, тогда премного благодарен.

Похоже, повару давно не удавалось поболтать с живым человеком, поэтому по дороге к палатке он трещал без устанавливок, словно из бамбукового тубуса сыпались бобы.

— В армии совсем не осталось продовольствия? — спросил его Го Цзя.

— И не говорите, господин! Теперь каждый день из того скудного риса, что выдают, я отсыпаю зерна себе, развожу остальное водой и перевариваю по кругу эту баланду.

Го Цзя нахмурился:

— Почему бы не доложить об этом генералу Гунсуню?

Солдат пожал плечами:

— Давно докладывали, да толку-то... Только вот, я слышал... — он воровато огляделся по сторонам и прильнул к уху Го Цзя: — Я слышал, наш обоз с провизией вроде как Юань Шао перехватил.

— Перехватил?

— Угу, но наш главный вроде бы велел кому-то отбить его обратно.

— Кому?

— Мне.

У входа в шатер стоял генерал в белых одеждах, прислонившись спиной к косяку.

Солдат с полевой кухни сообразительно окликнул его: «Генерал!» — и тут же скрылся из виду так, что и след простыл.

Внутри палатки Го Цзя выплеснул остатки остывшего чая, обхватил ладонями чашку с горячей водой и стал медленно потягивать ее.

Чжао Юнь развязал плащ и снял боевой шлем.

— Юань Шао перехватил обоз, Лю Юань пал в бою.

— Продовольствие удалось отбить? — между делом спросил Го Цзя.

— Нет.

— Господин Богуй намерен отступить в Ицзин?

— ? — Заметив, что Го Цзя чашка за чашкой жадно пьет обжигающий чай, а лицо его при этом остается прежним, только губы стали совсем бескровными, Чжао Юнь удивленно замер.

— Что такое? — Чжао Юнь подошел к нему, забрал из рук пустую чашу, и в тот миг, когда его пальцы коснулись кожи Го Цзя, сердце юноши сжалось.

Го Цзя принял из рук Чжао Юня вновь наполненную чашку и мягко произнес:

— Только что боль была невыносимой, но сейчас уже намного лучше.

Чжао Юнь помолчал немного, затем поднял его на ноги:

— Пойдем.

— Куда? — недоуменно моргал Го Цзя.

Пока Го Цзя кутал себя в одежды с ног до головы, Чжао Юнь накинул на него свой собственный плащ и даже отыскал мягкую лисью шапку.

Выходя из палатки, Го Цзя едва не запутался в собственных полах и чудом не упал, но Чжао Юнь вовремя поддержал его.

— Учитель, вы закутались точь-в-точь как снежный ком, и куда это вы собрались? — Сюй Лу наполовину приподнялся, сонно протирая глаза.

Чжао Юнь опустил полог шатра, наглухо отрезая голос Сюй Лу.

Возле потрескивавшего костра сидели человек пять-шесть. Услышав шаги, они в панике бросились заливать огонь.

Чжао Юнь торопливо окликнул их:

— Это я.

Чэн И обладал самым острым глазом:

— Братец Чжао. — Затем он удивленно протянул: — Ой! Учитель, а вы как здесь оказались?

Только теперь Го Цзя разглядел, что эта компания среди ночи не спит, а тайком жарит мясо.

Чэн И простодушно усмехнулся в оправдание:

— Хе-хе, в лагере вдоволь не наешься, вот братьям и приходится добывать еду самим.

Чжао Юнь усадил Го Цзя рядом с собой, и Чэн И почтительно протянул ему зажаренную

заячью ногу, не забыв добавить:

— С солью! Не то что в последние дни — всё пресное, без вкуса.

Корочка только что приготовленного мяса местами слегка обуглилась.

Чжао Юнь соскреб обуглившиеся кусочки, оторвал лакомый кусочек крольчатины и поднес к губам Го Цзя.

Го Цзя, прятая обе руки в рукавах шубы, недолго думая просто приоткрыл рот и съел предложенное.

Чжао Юнь сначала слегка опешил от такой простоты, но тут же расслабился, с улыбкой оторвав следующий кусочек.

— Не успел я догнать тот обоз с зерном, как Юань Шао уже всё сжег, — рассказывал Чжао Юнь. — Перед смертью оставшиеся в живых подчиненные Лю Юаня передали его слова: при жизни Лю Юань предостерегал главного, что в этот раз нельзя собирать все запасы в одном месте. Жаль только, господин не прислушался к его советам, из-за чего мы и проиграли битву за обоз.

Го Цзя уже давным-давно не пробовал мясной пищи, а сейчас, когда в животе наконец затеплилась еда, стоило только насытиться, как сразу потянуло ко сну.

— Фэнсяо...

Чжао Юнь позвал его, но заметил, что голова Го Цзя все ниже клонится к земле, пока наконец он окончательно не уткнулся лбом ему в плечо.

Чжао Юнь словно сам с собой заговорил:

— Если бы я знал, что всё обернется так, в тот день мне следовало уйти вместе с тобой.

— Цзилун...

Чжао Юнь резко повернул голову. Го Цзя по-прежнему держал глаза закрытыми, бормоча сквозь сон:

— На самом деле, ни тогда, ни сейчас... мы всё равно не смогли бы уйти.

Чжао Юнь опустил козырек его шапки чуть ниже, укрывая лицо от языков пламени костра.

— Я знаю. Раз уж главный держит тебя при себе, я не могу уйти. Фэнсяо, ты тоже не сможешь.

Го Цзя сонный качнулся к нему и глухо произнес:

— Мм.

Видя, что тот погрузился в полудрему, Чжао Юнь тихо сказал:

— Ты прав, господин действительно намерен отступить в Ицзин. Теперь, когда Цюй И преследует нас по пятам, он считает, что только заперевшись за крепкими стенами удастся отразить нападение. Что ты об этом думаешь?

— Юань Шао уже объединился с Лю Хэ, Сяньйу Фу и прочими, их боевой дух на подъеме. Наша же армия истощена бесконечными поражениями, и если продолжать сражаться в том же духе, боюсь, прежде чем солдаты падут в бою, они все разбегутся по другим лагерям. Приказ господина возводить укрепления — это, пожалуй, единственный шанс, дающий нам возможность переломить ход всей кампании. Только вот...

— Только вот что? — спросил Чжао Юнь.

Глаза Го Цзя полусонно приоткрылись на щелочку, устремившись на танцующие языки пламени.

— Только вот...

Он надолго умолк, но в конце концов переменял слова:

— Только вот сейчас нам как воздух нужна победа.

Только вот укрепление Ицзин в конце концов станет для Гунсунь Цзяня могилой.

Го Цзя смотрел на пляшущий огонь, где сухие ветки медленно обращались в пепел.

Он внезапно спросил:

— Хочет ли Цзилун одержать эту победу?

— М? — Чжао Юнь почувствовал, как плечо освободилось от тяжести. Оглянувшись, он увидел, что его спутник улыбается ему, а уголки бровей изогнулись изящной дугой. Его исхудавшее лицо в отсветах пламени казалось тронутым легким румянцем.

— Цюй И преследует нас по пятам, но раз уж Цзилун смог разбить его при Цзецяо, то и сейчас справится ничуть не хуже.

Если удастся зарубить главного полководца армии Юань Шао — Цюй И...

Разве могло сердце Чжао Юня остаться равнодушным к такому исходу?

И всё же Чжао Юнь ответил:

— Нет.

Го Цзя удивился:

— Нет? Почему?

Встретившись взглядом с растерянными глазами собеседника, Чжао Юнь ответил очень мягким голосом:

— Фэнсяо не стоит изнурять себя ради меня столь глубокими расчетами.

Эти слова он произнес совсем тихо, едва слышно.

И тем не менее, в ушах Го Цзя они прозвучали раскатом грома.

Внезапно затуманившийся взгляд никак не мог скрыть легкую улыбку, застывшую на его губах.

В последующие дни огонь в шатре Го Цзя не гас до самого рассвета.

И по мере того, как они подходили все ближе к Ицзин, Цюй И, лично возглавлявший авангард, гнал своих людей за Гунсунь Цзанем с возрастающей яростью, постепенно отрываясь от основных сил Юань Шао.

Хэцзянь славился своими холмистыми пейзажами: холмы громоздились друг на друга, гряды гор сменяли друг друга. Пусть здесь не было отвесных скал, но пересеченная местность изобиловала спусками и подъемами — отряд, бывший у тебя перед глазами в одну секунду, в следующую мог полностью скрыться за складками местности.

— Генерал, здесь опасный рельеф, нам не стоит продолжать преследование, — предостерег Цюй И его заместитель.

Цюй И стоял на вершине пологого холма. В следующее мгновение отряд Гунсунь Цзяня вновь появился на виду, и полководец, взмахнув копьем, зычно рявкнул:

— В погоню!

— В погоню! Я лично срублю голову Гунсунь Цзяню!

Первым, погоняя коня, он вихрем бросился вниз по склону.

Следом за ним черная лавина воинов, подобно потоку воды, хлынула с возвышенности в

долину, а затем, преодолев низину, устремилась вверх по склону следующего холма.

Бросив взгляд вокруг, можно было заметить, что пологие холмы усеяны сплошной людской массой. На вершине не самого высокого холма уже показались передовые отряды армии Юань Шао.

А войско Гунсунь Цзаня по-прежнему неспешно двигалось впереди.

Цюй И восторженно взревел на всю долину:

— Гунсунь Цзань, готовься расстаться с жизнью!

Его эхо раскатисто несло вдаль.

— А!

— А!

— Камнепад!

— Нет! Не надо!

— Это...

Это были горящие бревна!

Они катились не спереди, а с тыла!

Огромные кругляки, объятые языками пламени, неслись со склонов по ходу движения армии Юань Шао, набирая страшную скорость. С неукротимой яростью катясь вниз, они сметали на своем пути бесчисленных воинов.

Но еще страшнее было то, что сухая трава вдоль склонов вспыхнула, породив степной пожар.

Скрюченные фигурки людей, в панике метавшихся во все стороны, тонули в запахе крови и гари.

Солдаты, из последних сил карабкавшиеся на вершину холма в надежде спастись, вдруг угождали под град камней. На этот раз летели самые настоящие камни — мелкие и крупные валуны.

На противоположных горных пиках ровными рядами выстроились более десятка баллист и камнеметов.

Очередная волна камней, словно обратная океанская волна, подхлестнутая свирепым ветром,

обрушилась на воинов Юань Шао, едва выбравшихся наверх, сбрасывая их обратно в ущелье одного за другим.

На дне долины догорали остатки пожарища.

— Генерал! — перемазанный сажей заместитель подполз к Цюй И. — Генерал, отступаем!

— Что ты мелешь?! — Цюй И ударом меча снес голову заместителю и, вскинув обагренное кровью копьё, заорал: — Вперед! Кто посмеет заикнуться об отступлении — казню на месте!

На самом деле Цюй И был прав: отступить он уже не мог, потому что отступить было некуда.

Когда огонь догорел, в долине остались лишь тяжело дышавшие уцелевшие.

В этот самый момент!

— Бум! Бум! Бум!

Звуки боевых барабанов разнеслись один за другим!

На гребнях холмов по обе стороны ущелья внезапно показались огромные массы войск.

На боевых стягах красовался крупный иероглиф «Чжао», выписанный стилем лишу.

— Чжао Юнь!

Сквозь стиснутые зубы процедил Цюй И имя своего врага.

А Чжао Юнь тем временем обернулся и посмотрел на того, кто стоял возле громогласных барабанов.

Под раскаты барабанной дроби его одежды развевались на ветру — белоснежные, словно шелк, чистые и величественные.

— Бац...

Раскаты боевых барабанов сотрясали поле боя.

Серебряное копьё взметнулось подобно парящему дракону, и между небом и землей осталась лишь ослепительная вспышка белого света, вытеснившая все прочие краски.

Чжао Юнь выбросил вперед копьё, не уклоняясь и не отступая.

Лицо Цюй И было покрыто копотью, под стать его собственному копьё в руке.

Цюй И взревел, откинулся назад и, перекинувшись набок вдоль конского крупы, уклонился от стремительного выпада Чжао Юня. Мгновенно вскочив в седло, он левой рукой ухватил стрелу, а правой натянул тетиву.

Стрела сорвалась со свистом!

Прямо в ноги коню.

Выпустив стрелу, Цюй И прищепил жеребца и бросился прямо на Чжао Юня.

Нефритовый Лев Ночного Озарения издал громкий ржание: Чжао Юнь уже успел пригнуться и отбить летящую стрелу, как в этот миг смертоносное лезвие Цюй И обрушилось перед самыми его глазами.

— Бум! Бум! Бум!

— В атаку!

Барабаны звали вперед!

Услышавший бой барабанов обязан наступать! Наступать! Наступать!

Обе армии мгновенно сошлись в жестокой схватке. Лязг оружия и оглушительные боевые кличи заполнили горное ущелье, разносясь эхом во все стороны.

Багровая кровь поглощала обугленную землю, и каждая картина сражения вызывала у зрителей невольную тошноту.

Войска Юань Шао потеряли голову еще в тот момент, когда покатались горящие бревна, и теперь их контратака больше походила на предсмертные судороги.

По мере того как воины Юань Шао падали один за другим, чаши весов окончательно склонились в одну сторону.

И в этот момент Цюй И, опустив голову, с неверием смотрел на серебряное наконечник копья, торчавший из его собственной груди.

Оно пронзило тело насквозь — удар был нанесен со спины.

В то же мгновение Чжао Юнь придержал коня за узду и взлетел в воздухе, перемахнув через круп противника.

Не успел тот даже натянуть поводья и развернуться,

Как острие копья, взметнувшись в прыжке, пронзило его сердце!

<http://bllate.org/book/19191/1884813>